

Марко Скарпа

Несколько размышлений по поводу рассказа А.П. Чехова “Студент”

Считается, что рассказ “Студент”¹, написанный в марте 1894 года, является “поворотным пунктом в творчестве Чехова”², несмотря на то, что он невелик по объёму. “В последние годы в творчестве г-на Чехова намечается новый и очень важный перелом. (...) Эти новые черты уже заметно и, кажется, впервые сказались в маленьком рассказе “Студент”³, – замечает в 1903 году Вениамин Альбов и уточняет, – “отметим сейчас же, что Великопольскому (т. е. герою рассказа – М.С.) первому из персонажей г-на Чехова жизнь показалась ‘полною высокого смысла’”⁴. Сергей Булгаков говорит об этом рассказе как о “драгоценнейшем перле чеховского творчества, где на трех страницах вмещено огромное содержание”⁵. Скрупулезное исследование этого рассказа поможет нам выявить несколько его характерных черт.

Рассказ можно условно разделить на три главные части, где первая и третья отсылают друг к другу, а центральная становится переломной точкой. Если обратить внимание на динамику, становится видно, что в первой и третьей частях происходит движение: герой рассказа идёт, и то, что случается, случается в процессе его движения, переданного глаголами движения (в первой части: “возвращаясь”, “шел”; в третьей: “пошел”, “переплавлялся”, “поднимаясь”); во второй части, напротив, наблюдается статичность – в сцене около костра, который является центром действия этой части⁶. В первой части единственный герой – Иван Великопольский со своими мыслями, в которых фигурируют Рюрик, Иоанн Грозный и Петр, (имеется в виду Пётр Первый). Одиночество героя подчеркивается словами “пустынно”, “пустыня”, “пустынный”. Во второй части выходят на сцену другие персонажи рассказа: Василиса и её дочь Лукерья, и на фоне появляются, или, лучше сказать, слышатся “работники”.

¹ Чехов 1977.

² Агапов 2002.

³ Альбов 1903: 389-390.

⁴ Там же: 391. См. также Батюшков 1903. Сам Чехов сказал: “Какой же я пессимист? Ведь из моих вещей самый мой любимый рассказ ‘Студент’” (Бунин 1967: 186).

⁵ Булгаков 1904: 555.

⁶ См. Айхенвальд 1906: 749.

В словах студента, где пересказывается текст Евангелия, речь идёт о Петре, Иисусе и других библейских персонажах. В третьей части с читателем остается только Иван, но он несёт в своих воспоминаниях Василису, Лукерью и Петра (апостола). В первой и третьей частях есть описания и размышления (глаголы: “казаться”, “вспоминать”, “думать”); во второй есть диалог и устный рассказ (глаголы: “сказать”, “поговорить”, “спросить”, “ответить”), есть пересказ отрывка из Евангелия. Переход от второй к третьей части обозначен и наречием “теперь” в начале предложения.

Надо, однако, заметить, что эти три части связаны друг с другом: чтобы представить новых лиц, в начале второй части введено упоминание “огородов”, где светится огонь, который Иван видел в середине первой части рассказа; и на тот же самый огонь он смотрит в третьей части. Кроме того, описание природы в последнем абзаце рассказа отсылает к первому абзацу, который также начинается описанием природы. Есть, конечно, различия; в них и состоит смысл рассказа. Есть два переходных абзаца, где Иван представляется женщинам, и соответственно, прощается, что также подчеркивает важность встречи для действия.

Трём только что определённым частям рассказа соответствуют разные семантические поля. В первой части автор использует слова из будничной жизни. Сначала это описание природы глазами Ивана, который возвращается “с тяги домой”. Это взгляд, очарованный предчувствием весны. Потом это уже слова о похолодании и слова, которые описывают ощущения Ивана. Слова, которые передают мысли Ивана, его воспоминания о семейной жизни (“мама”, “папа”, “дом” и т.п.). Вслед за мыслями студента вспоминается история России, с ее основными персонажами⁷. Это, очевидно, слова из разных сфер жизни Ивана, жизни с постоянными повторениями: “все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше”⁸.

Во второй части преобладают евангельские слова. Рассказ Ивана – парафраза Евангелия. Здесь есть явная отсылка к двенадцати Евангелиям, которые читаются на утрене страстной пятницы, служащейся обычно в четверг вечером. Но первые

---

⁷ “Рюрик, Иоанн Грозный и Петр – фигуры символические. С именем легендарного варяжского (скандинавского) князя Рюрика историки связывают возникновение Киевской Руси – восточнославянского государства, с которого, собственно, и началась история России. Иоанн Грозный тоже символическое лицо, олицетворяющее одновременно и величие, и страдания народа в эпоху Московского царства – Третьего Рима. Наконец, Пётр I – символ новой России со столицей в Санкт-Петербурге, Российской империи. Таким образом, три упоминаемых лица олицетворяют собой всю тысячелетнюю историю России [...] в истории России чеховскому герою видятся лишь беспросветная нищета и безмерные страдания простого народа. “Лютая бедность, голод ... невежество, тоска... мрак, чувство гнёта” осмысляются им не как случайные явления, имеющие отношение лишь к его собственной семье, а как сущностная, закономерная и непреодолимая черта исторического бытия его родины” (Матюшенко 2009).

⁸ “В этих размышлениях довольно легко улавливаются часто преследующие героев Чехова мотивы Екклесиаста о бесконечной повторяемости одного и того же (“Что было, то и будет...”), в данном случае перенесенные на реалии русской истории” (Капустин 2004: 83).

евангельские события, о которых идёт речь, содержатся в первой половине двадцать шестой главы Евангелия от Матфея и не принадлежат к двенадцати Евангелиям, а читаются на вечере великого четверга. Чехов использует текст Евангелия в "Синодальном переводе"⁹. Лишь иногда Иван цитирует текст на старославянском, всегда, однако, сопровождая его переводом. Слова Евангелия откликаются эхом также в слезах Василисы¹⁰.

В третьей части семантическое поле становится языком размышлений, соединяющих жизнь и Священное Писание. Это, конечно, размышления Ивана, который снова отправляется домой. И если рассказ открывался отсылкой к "веселью", заканчивается он отсылкой к "радости" и "счастью". Это слова из одного семантического поля, но с разными оттенками и степенью эмоциональной окраски.

На вопрос "кто герой рассказа", Роберт Джексон отвечает: "Это женщины: именно Василиса и ее дочь – подлинные герои "Студента", ибо они сохранили веру"¹¹. К сожалению, этот ответ мне кажется идеологическим и мало обоснованным. Мне кажется, что действие рассказа целиком протекает внутри Ивана Великопольского. В течение всего текста писатель представляет события с точки зрения Ивана: он смотрит на природу в самом начале, он становится грустным из-за похолодания. Он чувствует себя причастным к истории, но это отчаянная солидарность, безнадежная. Вторая часть описана с его точки зрения через ассоциацию, которая ведет к длинному пересказу из Евангелия; он рассказывает, и мы видим реакцию Василисы и Лукерьи его глазами. Наконец мы следуем за ним через его размышления после встречи, и становимся свидетелям его радости и ожидания счастья. Я думаю, что рассказ Чехова показывает изменение мировоззрения Ивана, вплоть до того момента, когда "жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла". Такое превращение становится очевидным, если сравнить первую и третью часть. Действие развивается в противоположных направлениях: в первой части все начинается хорошо, и постепенно осложняется, а в третьей части – наоборот: в начале "дул жестокий ветер" и Иван замерзал, а потом ему больше не было холодно, и все его внимание стало сосредоточено на радости. Как происходит этот процесс? Какова его причина? Вторая часть становится точкой перелома между уравновешивающими друг друга первой и третьей частями. Этому перелому способствуют Василиса и Лукерья. О них мы знаем очень мало: мать и дочь; вдова и жена, забитая мужем, слушают рассказ Ивана, который, впрочем, они уже знают потому, что ходили на службу, и одна плачет, как Пётр, а у другой становится тяжело на душе. Мы не знаем, почему это происходит, какова причина этих событий. Но это неважно для нити повествования. Важна не причина, а эффект.

⁹ Четыре Евангелия в Синодальном переводе были изданы первый раз в 1860.

¹⁰ Возможно, выражение Лукерья напоминает образ самого Христа во время страдания.

¹¹ Джексон 1991: 128.

Нам остаётся только уточнить характер процесса, который происходит внутри Ивана¹². Он уже знает Евангелие, он пересказывает его. Он студент духовной академии, он сын дьячка. Он всё это хорошо знает. К чему его подталкивают слезы Василисы и напряжение Лукерьи? К осознанию того, что то, “что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему”¹³. Проблема современности Евангелия, его значения для каждого человека была актуальна в России в конце девятнадцатого века. Лев Толстой дал свой самобытный ответ, подчеркивая этическую значимость Евангелия¹⁴. Антон Чехов был приятелем Толстого. Но его ответ отличается от ответа Льва Николаевича. Для Чехова современность Евангелия – это личный опыт, который делает жизнь “восхитительной, чудесной и полной высокого смысла”¹⁵.

Библиография

- Агапов 2002: Д. Агапов, *Религиозные и психологические аспекты рассказа А.П. Чехова “Студент”*, “Вера – журнал Самарской Православной Духовной семинарии”, 2002, 2, <http://samara.orthodoxy.ru/Smi/Vera/02_05.html> (24.04.2013).
- Айхенвальд 1906: Ю.И. Айхенвальд, *Чехов*, в: *Силуэты русских писателей*, III, Москва 1906, с. 215-243 (сейчас и в: *А.П. Чехов: pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX-нач. XX в. Антология*, Санкт-Петербург 2002, с. 722-785).
- Альбов 1903: В. Альбов, *Два момента в развитии творчества Антона Павловича Чехова*, “Мир божий” 1903, 1, с. 84-115 (сейчас и в: *А.П. Чехов: pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX-нач. XX в. Антология*, Санкт-Петербург 2002, с. 368-402).
- Батюшков 1903: Ф.Д. Батюшков, *О Чехове*, “Санкт-Петербургские ведомости” 1903, 26 (27 января).

¹² “Иван Великопольский находится в разладе с Богом. Вместе с тем его душевный и мировоззренческий опыт (сын дьячка, студент духовной академии) противоречит безусловному и бесповоротному закреплению этого конфликта. Чеховский герой – студент, то есть человек, который по своей сути еще только накапливает знания о мире, находится в состоянии, подразумевающим движение взглядов, вполне понятные переходы мыслей и чувств. Семантику “переходности” содержало и первоначальное название рассказа – “Вечером”, фиксировавшее то неустойчивое время суток, когда день прошел, а ночь еще не наступила. Ивана Великопольского не назовешь человеком с окончательно сложившимся мировоззрением” (Капустин 2004: 85-86).

¹³ См. Измайлов 1911: 896-897; Долинин 1914: 960; Капустин 2004: 86-88.

¹⁴ См. Скарга 2008.

¹⁵ См. также Мерещковский 1906: 707; Злочевская 2008; Матюшенко 2009.

- Булгаков 1904: С.Н. Булгаков, *Чехов как мыслитель. Публичная лекция*, "Новый путь", 1904, 10, с. 32-54; 11, с. 138-152 (сейчас и в *А.П. Чехов: pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX-нач. XX в. Антология*, Санкт-Петербург 2002, с. 537-565).
- Бунин 1967: И.А. Бунин, *Собрание сочинений в девяти томах*, IX, Москва 1967.
- Долинин 1914: А.С. Долинин, *О Чехове (Путник – созерцатель)*, "Заветы", 1914, 7 (II), с. 64-102 (сейчас и в: *А.П. Чехов: pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX-нач. XX в. Антология*, Санкт-Петербург 2002, с. 923-960).
- Джексон 1991: Р.А. Джексон, "Человек живет для ушедших и грядущих": О рассказе А.П. Чехова "Студент", "Вопросы литературы", 1991, 8, с. 125-130.
- Злочевская 2008: А.В. Злочевская, "Студент" А. П. Чехова: Некоторые размышления, 13 марта 2008, <<http://www.bogoslov.ru/text/288612.html>> (24.04.2013).
- Измайлов 1911: А.А. Измайлов, *Вера или неверие: религия Чехова*, в: Он же, *Литературный Олимп: характеристики, встречи, портреты, автографы*, Москва 1911, с. 133-179 (сейчас и в: *А.П. Чехов: pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX-нач. XX в. Антология*, Санкт-Петербург 2002, с. 872-905).
- Капустин 2004: Н.В. Капустин, *Рассказ А.П. Чехова "Студент": преодоление жанрового канона*, "Жанрологический сборник", 1, 2004, с. 79-88.
- Матюшенко 2009: А.Г. Матюшенко, *К вопросу о духовном содержании рассказа А. П. Чехова "Студент"*, 14 сентября 2009, <<http://www.pravmir.ru/k-voprosu-o-duhovnom-soderzhanii-rasskaza-a-p-chexova-student/>> (24.04.2013).
- Мережковский 1906: Д.С. Мережковский, *Чехов и Горький*, в: Он же, *Грядущий Хам. Чехов и Горький*, Санкт-Петербург 1906, с. 41-101 (сейчас и в: *А.П. Чехов: pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX-нач. XX в. Антология*, Санкт-Петербург 2002, с. 692-721).
- Чехов 1977: А.П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т., Сочинения: В 18 т.*, VIII. Рассказы. Повести. 1892-1894, Москва 1977, с. 306-309.
- Scarpa 2008: M. Scarpa, *I fondamenti biblici dell'etica in Tolstoj*, "Studi slavistici", V, 2008, с. 89-99.

Abstract

Marco Scarpa

Some Thoughts on the Short-Story "The Student" by A.P. Čechov

The literary analysis of the short-story "Student" by A. Čechov shows a structure organised in three parts, each of which corresponds to a precise semantics. The meeting on Friday with the widow, Vasilissa, and her daughter, Luker'ja, causes an action, a paschal transformation of the main character, the student of the Theological Academy Ivan Velikopol'skij, bringing him to a new and deeper awareness: the words of the Gospel are related to the present, making life "fascinating, prodigious and profoundly meaningful".

Keywords

Čechov, student, bible